

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социально-психологический феномен «закрытости» М.Ю. Кондратьева: от «закрытой группы» — к «закрытому обществу»

Н.К. РАДИНА*,
Нижний Новгород, Россия, rasv@yandex.ru

В статье представлена логика развития исследований феномена «закрытости» от малой группы до «закрытого общества». Работы М.Ю. Кондратьева, посвященные закрытым группам, рассматриваются в контексте изучения сиротских интернатных учреждений, а также как определяющие психологическое содержание феномена «социальной закрытости». В качестве примера переноса ключевых идей М.Ю. Кондратьева о закрытой группе представлено эмпирическое исследование «закрытого общества». Доказывается, что все основные социально-психологические закономерности, открытые М.Ю. Кондратьевым на малой закрытой группе, релевантны социально-психологическим закономерностям, выявленным на большой закрытой группе — «закрытом обществе».

Ключевые слова: *трехфакторная модель значимого другого, власть, аттракция, референтность, закрытая группа, закрытое общество.*

Значительная часть идей современной социальной психологии рождена в лабораториях преимущественно американских и европейских психологов, в то время как российская социальная психология, сделав бросок вперед во второй

половине XX в., в настоящее время словно заново открывает свои предыдущие достижения. В фокусе данной статьи — идеи Михаила Юрьевича Кондратьева о специфике внутригруппового структурирования и взаимодействия в закрытой

Для цитаты:

Радина Н.К. Социально-психологический феномен «закрытости» М.Ю. Кондратьева: от «закрытой группы» — к «закрытому обществу» // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 45–58. doi:10.17759/sps.2016070104

* Радина Надежда Константиновна — доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия, rasv@yandex.ru

группе, эмпирически обоснованные и укорененные в теоретическом наследии А.В. Петровского (стратометрической концепции группового развития и трехфакторной модели значимого другого).

В статье реконструируется концептуально-теоретический контекст советской психологии в отношении проблемы социального сиротства, анализируется вклад идей М.Ю. Кондратьева в проблему изучения воспитанников «закрытых сиротских учреждений», проблематизируется возможность переноса идей М.Ю. Кондратьева с закрытой группы на «закрытое общество», т. е. из сферы социальной психологии в сферу психологии политической.

Социальное сиротство: от депривации личности к феномену «закрытой группы»

В современных работах, посвященных социальному сиротству, достаточно редко встречается глубокая рефлексия теоретического наследия российской психологии, в то время как проблема социального сиротства в СССР постоянно находилась в исследовательском поле педагогов и психологов. Не удивительно, что практическая заинтересованность обусловила рождение целого ряда про-

дуктивных и оригинальных концепций и идей при теоретизировании специфики развития ребенка, воспитывающегося вне семьи.

Систематические психологические исследования детей, лишенных родительского попечительства, в СССР активно начинают проводиться с середины 70-х гг. XX в.¹ В педагогической практике государственного призрения сирот закрепляется термин «закрытые сиротские учреждения» (сиротские интернаты с жесткой изоляцией своих воспитанников, а также детские дома, допускающие определенные социальные контакты в отношении своих воспитанников), оказывается востребованной научная рефлексия педагогических успехов и поражений на ниве воспитания детей вне семейного попечения.

По итогам многолетних исследований наиболее значительные результаты — теоретические, оформленные в концепции и модели, и прикладные, в формате советов и рекомендаций по организации сиротских учреждений, — были получены в рамках:

- теории развития личности Л.И. Божович;
- концепции коммуникативной деятельности М.И. Лисиной;
- концепции становления самосознания в онтогенезе В.С. Мухиной;

¹ Несмотря на длительную историю призрения сирот, изучение психологических проблем детей, оставшихся без попечения родителей, начинается в XX в. в рамках психоанализа. Основной акцент, появившихся в послевоенные годы исследований, сделан на лишении ребенка семьи, и в первую очередь материнской заботы (материнская депривация) (М. Айнсворз, Дж. Боулби, Р. Липтон, С. Прованс, А. Фрейд, Р. Шпиц и др.). В русле психоаналитической логики обосновано, что разлука с матерью запускает цепочку необратимых изменений в процессе развития психики ребенка. Отсутствие эмоционально близкого и значимого человека в раннем возрасте приводит к отсутствию «базисного доверия к миру» (Э. Эриксон), формирование которого зависит от наличия стойких эмоциональных привязанностей в младенческом возрасте.

• стратометрической концепции группового развития А.В. Петровского, впервые примененной к «закрытой группе» сиротского учреждения М.Ю. Кондратьевым.

Согласно исследованиям школы Л.И. Божович (А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых и др.), в особенностях поведения детей, воспитывающихся вне семьи, существует определенная специфика, которая интерпретируется не как простое «отставание» в психическом развитии, отмечается качественно иной его характер. Эта специфика проявляется в несформированности внутреннего, идеального, субъективного плана психики; в связанности мышления; мотивации поведенческих реакций внешней ситуацией [12; 13]. То есть «...вопреки распространенному мнению о том, что наблюдающиеся в учреждениях интернатного типа отклонения в психическом и, в частности, интеллектуальном развитии аналогичны широко изученным в дефектологии явлениям при задержке психического развития (ЗПР) или встречающемуся в массовой школе «симптому диффисильности», характеризующему трудных детей, для воспитанников детских домов специфичен совершенно другой тип отклонения» [14, с. 198].

В научном направлении, основоположником которого является Майя Ивановна Лисина, особенности развития воспитанников интернатных сиротских учреждений рассматриваются как обусловленные отношениями со значимым взрослым (Н.Н. Авдеева, Л.Н. Гали-

гузова, И.А. Залысина, Т.М. Землянухина, С.Ю. Мещерякова, Т.А. Рузская, Е.О. Смирнова и др.). Взрослый, являясь посредником между ребенком и окружающим миром, по-разному реализует эту функцию в условиях семьи и сиротского учреждения. Применительно к воспитанникам сиротских учреждений нарушения коммуникативной деятельности в диаде Ребенок–Взрослый рассматриваются как причина качественно иного развития воспитанников сиротских учреждений в отличие от детей, воспитывающихся в семье.

В работах Валерии Сергеевны Мухиной и ее аспирантов при изучении особенностей развития воспитанников интернатных сиротских учреждений используется концепция становления самосознания личности в онтогенезе. Согласно данной концепции, развитие структурных компонентов самосознания² зависит от индивидуальных особенностей личности, внутренней позиции и социального окружения (т. е. от депривационного характера среды) [8]. Согласно исследованиям В.С. Мухиной и ее аспирантов, у воспитанника сиротского учреждения каждый структурный компонент самосознания в той или иной степени деформирован. Наиболее пораженными оказываются притязание на признание (неразвитая и искаженная потребность в признании, на основе которой складывается своеобразная идентификация воспитанников друг с другом — феномен «мы») и психологическое время личности (воспитанник интернат-

² Структурными компонентами самосознания по В.С. Мухиной являются эмоционально-ценностное отношение человека к себе телесному, к своему имени, к индивидуальному психическому «Я», притязание на признание, половую идентификацию, психологическое время личности (прошлое, настоящее и будущее), социально-нормативное пространство личности (права и обязанности).

ного учреждения живет прошлым, мало ориентируясь на настоящее и будущее) (Л.Н. Бережнова, Е.И. Валитова, Г.В. Семья, Ж.К. Султангадиева, Т.Н. Счастливая, Р.И. Цветкова, А.А. Ярулов и др.).

Однако если исследования, построенные в русле концепции коммуникативной деятельности, теории развития личности Л.И. Божович или концепции становления самосознания в онтогенезе, преимущественно раскрывают природу развития личности ребенка в условиях психической депривации, работы М.Ю. Кондратьева и его аспирантов представляют строение и особенности функционирования малой группы, по тем или иным причинам находящейся в условиях изоляции с доминированием монодеятельности.

Михаил Юрьевич Кондратьев, используя стратометрическую концепцию группового развития и трехфакторную модель значимого другого А.В. Петровского, анализирует внутригрупповые процессы в закрытых группах, в том числе в группах сиротских учреждений. В результате эмпирических исследований на основе трехфакторной модели им была охарактеризована специфика внутригруппового структурирования в закрытых группах, экспериментально выявлен и описан комплекс социально-психологических феноменов, характеризующих межличностные отношения в изолированных группах, раскрыто содержание феномена жесткого закрепления статуса во внутригрупповой иерархии у членов закрытой группы.

Закрытой группе интернатного учреждения в русле идей А.В. Петровского посвящены диссертационные исследования С.А. Алифанова, Е.В. Виноградовой, Н.В. Репиной, Т.В. Снегиревой и др. Тем не менее фактор «закрытости»/«открытости» группы

как важнейшая детерминанта особенностей социального развития группы и ее членов наиболее последовательно и детально оказался представленным у М.Ю. Кондратьева и его учеников (Е.О. Кравчино, Е.В. Цокало и др.).

Разумеется, перечисленные теоретические рамки для осмысления особенностей развития детей, оставшихся без родительского попечения и воспитываемых в государственных учреждениях, не являлись конкурирующими и были востребованными различными психологическими научными коллективами высших профессиональных государственных учреждений СССР. Что же касается результатов исследований М.Ю. Кондратьева и его аспирантов, они оказались значимыми не только для понимания особенностей функционирования учреждений для детей — реальных и социальных сирот, но и в целом определили вектор последующих исследований феномена «социальной закрытости».

Закрытая группа, по М.Ю. Кондратьеву

Закрытая группа в российской социальной психологии рассматривается в призме проблемы монодеятельности и, соответственно, моноструктурированности группы, в призме изоляции от внешних контактов (необходимость решать все проблемы только своими силами и невозможность «сбросить» во вне отрицательный эмоциональный заряд, возникающий в процессе ограниченного общения), в призме изменений внутригрупповой структуры (А.А. Алдашева, М.Ю. Кондратьев, В.Н. Парохин, А.Б. Прохвятилов, Н.Ю. Хрящева, И.К. Широкова и другие) [7].

Изоляция как социальная характеристика опосредует качество отношений в закрытых социальных системах, поэтому социальные психологи искали теоретическую рамку, позволяющую объяснять и прогнозировать развитие межличностных отношений в закрытой группе.

Трехфакторная модель А.В. Петровского, включающая факторы аттракции, власти и референтности, показала продуктивность при анализе специфики структуры межличностных отношений в закрытой группе [10].

Используя данную модель при исследовании изолированных групп М.Ю. Кондратьев выяснил, что в открытой группе межличностные отношения определены всеми тремя факторами (в открытой группе нравится могут одни, уважают других, власть признают за третьими), в то время как в закрытой группе факторы как бы «слипаются» [4; 5; 6; 7 и др.]. Аттракция и референтность в закрытой группе зависят от фактора властных отношений, т. е. в закрытой группе уважением и «эмоциональным притяжением» облают те, кто своей статусной позицией обеспечивает себе власть. Следовательно, в закрытой группе внутригрупповой статус определяет, кого уважать, кто должен нравиться. Это является причиной деперсонализации межличностных отношений (отношения деперсонифицированы, так как определяются не индивидуальными особенностями, а социальными статусом).

Дальнейшие исследования показали, что внутригрупповая иерархия закрытой группы статична и жестка, т. е., оказавшись однажды в закрытой группе на определенной статусной позиции, в будущем практически невозможно эту позицию изменить. М.Ю. Кондратьев в своих работах особо подчеркивает избы-

точную, разрушительную для единства любого сообщества внутригрупповую статусную поляризацию, присущую закрытой группе, и бурное формирование обособленных, нередко противоборствующих подгрупп.

Исследования советских и, позднее, российских психологов, последователей А.В. Петровского, в отношении закрытых групп, как правило, проводились на подростковых группах — заключенных в тюрьмах (специализированные режимные учреждения для несовершеннолетних, полностью закрытые) и воспитанниках сиротских интернатов (условно закрытые). Многолетние исследования позволили сформулировать общие признаки, характеризующие межличностные отношения в закрытой группе:

- в закрытых группах доминирует моноструктурирование, обусловленное «закрытостью», порождая жесткое разделение на низко- и высокостатусных членов группы, что ведет к поляризации и фактическому разрыву межличностных отношений между стратами группы;
- в закрытых группах статусные характеристики членов группы (а точнее, факт их принадлежности к той или иной страте) выступают основанием для оценки и для определения «сходства/различия» партнеров по взаимодействию;
- в закрытых группах отношения межличностной значимости являются производными от статуса в группе; в специализированных режимных учреждениях для несовершеннолетних доминирующая «формула значимости» конкретной личности — «Власть (+) — Референтность (+) — Аттракция (-)»; в закрытых учреждениях сиротских интернатов доминирующая «формула значимости» личности — «Власть (+) — Референтность (+) — Аттракция (+)».

Трехфакторная модель А.В. Петровского, примененная М.Ю. Кондратьевым к закрытой группе, позволила идентифицировать ранее невидимые внутригрупповые процессы, что облегчило анализ закрытых групп.

От «закрытой группы» к «закрытому обществу»

В то время, как в социальной психологии определялся и анализировался феномен «закрытости» на материале контактных групп (фактически на малых группах), в социальной и политической философии утвердилось понятие «закрытое общество» [20; 22; 23]. Данный термин применялся к советскому обществу, которое также называли тоталитарным (т. е. сформированным в условиях режима тоталитарной власти).

Впервые термины «открытое общество» и «закрытое общество» были использованы Анри Бергсоном в работе «Два источника морали и религии». Закрытое общество, по А. Бергсону, это социальная система, регулируемая передающимися из поколения в поколение обычаями и традициями [19].

Известность феномену «закрытое общество» принесла работа К. Поппера, благодаря которой дихотомия «открытое общество» — «закрытое общество» стала популярна. К. Поппер опреде-

лял «закрытое общество» как племенное или коллективистское общество, а «открытое» — как общество, в котором индивидуумы принимают личные решения и находятся в конкурентных отношениях. «Закрытое общество», по К. Попперу, — это тип общества, характеризующийся статичной социальной структурой, ограниченной мобильностью, неспособностью к инновациям, традиционализмом, догматичной авторитарной идеологией. «Открытое общество», напротив, — тип общества с динамичной социальной структурой, высокой мобильностью, способностью к инновациям, критицизмом, индивидуализмом и демократической плюралистической идеологией [11].

В других работах — философских и социологических — советское «закрытое» общество определяли как «малое общество»³ [9], культура «восточного типа»⁴ [2], общество «второй этической системы»⁵ [18] и др.

Таким образом, концепция «закрытого общества» разделялась не всеми авторами, кто изучал и описывал схожие социальные феномены. Однако, как бы не называли исследователи это общество — «закрытое», «восточного типа», «малое» и т. п., — оно определялось преимущественно через «личностную недостаточность» («обычный человек» не может принимать решения и проявлять субъектность) и жесткую иерархиче-

³ В качестве главных критериев для определения «малого общества» А.Н. Олейником взяты неформальный характер отношений в группе и отчуждение обычных людей в группе от тех, кто представляет власть.

⁴ В основе определения культуры «восточного типа» находится приоритет социальной иерархии, позиция личности в группе (деперсонализация), а также замкнутые и непроницаемые иерархически организованные социальные сети.

⁵ Общество «второй этической системы» основано на перманентных, не решаемых конфликтах и ориентировано на компромисс добра и зла.

скую организацию социума (в том числе непреодолимые противоречия между «верхами» и «низами»). Ключевой характеристикой подобных обществ становится изоляция, закрытость.

В общей теории систем закрытыми называются системы, изолированные от внешней среды, при этом закрытые системы отличаются от открытых не отсутствием связей со средой, а характером этих связей, поскольку, если базовые связи со средой зафиксированы, то среда не вносит никаких изменений в систему, и последняя зависит только от связей «внутренних» [1].

Поскольку феномен социальной изолированности рассматривается в социальных науках на разных уровнях и в разных предметных полях, дискуссии о «закрытом обществе» как бы подталкивали связать данный значимый для России феномен с понятием «закрытой группы», изученным в социальной психологии.

Примечательно, что философские рассуждения, определяющие «закрытое общество» с использованием понятий социальной иерархии, отчуждения в группе между тем, кто правит, и теми, кем правят, на основе дегуманизации отношений и обесценивания личностного (деперсонализация), оказались созвучными выводам, представленным в работах М.Ю. Кондратьева и его аспирантов. Теперь, сравнивая концепции «закрытого общества» и закрытой группы возможно было предположить, что ключевая характеристика, их объединяющая, — жестко-иерархичная групповая/обще-

ственная структура, где «власть» опосредует как отношения аттракции, так и отношения референтности, а отношения между стратами поляризованы.

Эмпирическая проверка идей М.Ю. Кондратьева на материале «закрытого общества»⁶

Мы предположили, что, исследуя отношения межличностной значимости⁷ на макроуровне (не в контактной группе, а в границах общества) у обычных россиян, прошедших первичную социализацию в «советский период», мы сможем найти признаки «закрытости», описанные на материале «закрытых групп», и, соответственно, ответить на вопросы:

- Можно ли утверждать, что «закрытое общество» существовало как социально-психологическая реальность, релевантная феномену «закрытой группы»?
- Происходит ли принципиальная социально-психологическая перестройка отношений в постсоветском обществе?
- Можно ли утверждать, что социальные структуры общества изменяются и советское «закрытое общество» больше не воспроизводится на социально-психологическом уровне?

В качестве ключевых теорий исследования были выбраны трехфакторная модель отношений межличностной значимости в интерпретации для закрытых групп М.Ю. Кондратьева и концепция «закрытого общества» в изложении К. Поппера.

⁶ Более подробно о данном исследовании см.: [15; 16].

⁷ Отношения межличностной значимости — субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения.

Организационно исследование строилось на основе метода поперечных срезов. В исследовании 2002 г. приняли участие 471 человек, в том числе 232 человека старше 60 лет («советские пенсионеры»), 159 человек «среднего возраста», 80 человек — до 30 лет (в том числе мужчин — 210, женщин — 261). В исследовании 2014 г. приняли участие 359 человек, в том числе 220 человек «среднего возраста», мужчин — 133, женщин — 226.

В качестве ключевого метода была выбрана техника репертуарных решеток Дж. Келли. (ТРР — техника репертуарных решеток Дж. Келли) [21], которая используется социальными психологами для изучения структуры межличностных отношений в закрытой группе, в том числе и в контексте трехфакторной модели отношений межличностной значимости. Представляемое исследование основывалось на методе триад.

В список социальных объектов были включены те, которые, согласно исследовательскому замыслу, должны были бы раскрыть отношения между гражданами на макроуровне, в обществе. Ключевая идея — представить в ролевом списке тех, кто будет для респондента олицетворять три фактора отношений на макроуровне, т. е. лиц, обладающих реальной политической властью, лиц, обладающих уважением, признанием, влиянием в обществе («общественные референты») и тех, кто обладает для респондентов привлекательностью. Таким образом, в ролевом списке нашли отражение три ключевых ориентира, необходимых для изучения «закрытости» или «открытости» группы, по М.Ю. Кондратьеву: власть, референтность и аттракция.

Кроме «формальных» социальных сетей (политики, общественные референты региона или федерального центра) были также задействованы социальные

объекты из «неформальной» социальной сети (родственники и знакомые).

Используя ТРР для реконструкции системы властных отношений в понимании жителей региона, мы планировали выяснить, действительно ли у жителей закрытых территорий может быть идентифицировано особое понимание властных отношений, близкое к пониманию власти у заключенных в тюрьмах или у подростков, воспитывающихся в сиротских закрытых учреждениях. Кроме того, сравнивая показатели 2002 и 2014 гг. мы предполагали обнаружить динамику показателей властных отношений, характеризующих длительный процесс выхода из состояния «советской и/или постсоветской ментальности».

Психология «закрытого общества»

Два диагностических среза при изучении отношений с властью в социуме с использованием ТРР (в 2002 г. и в 2014 г.) показали настолько близкие результаты, что дискуссии о социально-психологической динамике показателей интерпретативных матриц в оценке властных отношений, об изменении «политического менталитета» респондентов за 12 лет оказались беспочвенными.

Сравнительный анализ в рамках мужской группы показал, что ведущие пять факторов в 2002 г. и шесть в 2014 г. не только связывают отношения аттракции, власти и референтности при анализе социальных отношений, но и определенно указывают на основные стратегии конституирования властных отношений в сознании респондентов-мужчин посредством доверия и недоверия, амбиций или скромности, посредством влияния и отчуждения «управляющего центра».

На первый взгляд, «доверие» и «недоверие» — бинарная оппозиция и когнитивные интерпретативные конструкты, симметрично разделяющие социальный мир респондентов. Как выяснилось, это два самостоятельных конструкта, при этом фактор доверия у мужчин, как и у членов закрытых групп в исследованиях М.Ю. Кондратьева, тесно связывает отношения власти, аттракции и референтности. Что же касается фактора недоверия, он показывает сложные системы идентификаций мужчин-респондентов с властью, которые негативно оценивают местную власть, но готовы принять власть президентскую.

При использовании «формулы закрытости» на материале межличностных отношений в мужской части выборки получается следующее: Власть (*региональная, местная*) (+) — Референтность (+) — Аттракция власти (-).

Для президентской власти: Власть (*президента*) (+) — Референтность (+) — Аттракция (+).

Ключевая особенность мужской группы в данном исследовании — выраженное негативное отношение к мобильным родственникам, которые выходят за пределы локальных, частных сообществ. Разлом между частным и публичным пространствами, обесценивание «общественных референтов» приводит к тому, что «мобильные родственники», покидающие привычные условия жизни, разрывающие непосредственные связи, переходят, с точки зрения мужчин, в разряд «чужих».

В женской группе были идентифицированы недоверие и негативная оценка всех уровней власти и позитивное отношение к мобильным родственникам, удаленным от семьи, но, с точки зрения женщин, являющихся ее частью. У женщин

иерархия властных отношений представлена следующим образом: Власть (*федеральная, региональная, местная*) (+) — Референтность (+) — Аттракция власти (-).

Что касается сравнительного анализа части выборки средней взрослости, все основные тенденции, обнаруженные на группе «средних взрослых» в 2002 г., оказались воспроизведенными на выборке 2014 г. — раскол публичного и частного миров и негативная оценка всех тех, кто приближен к власти. Система восприятия властных отношений у подгруппы среднего возраста строится по формуле «закрытой группы»: Власть (+) — Референтность (+) — Аттракция (-).

Таким образом, ни одна из изучаемых социальных групп не показала принципиальных изменений в моделировании системы властных отношений, следовательно, двенадцатилетний период не является существенным для изменения социальных структур и структур ментальности больших групп в области отношений власти.

Модели властных отношений в представлении участников исследования оказались релевантны моделям, типичным для членов «закрытых групп», по М.Ю. Кондратьеву, следовательно, предположение, что россияне сохраняют в области политического менталитета черты, характерные для «закрытого общества», имеет под собой эмпирическое основание. Факторный анализ показателей, выполненный на значительном массиве данных (более 400 человек в 2002 г. и более 300 человек в 2014 г.), описывающих социальные отношения на макроуровне в контексте политической власти или общественного влияния, показал, что:

- российское общество поляризовано, разделено жесткой границей на

«верхи» и «низы» (миры приватного и публичного), не предполагающей положительных коммуникативных или эмоциональных интенций со стороны «обычных граждан» в отношении акторов из сферы публичного;

- факт принадлежности не только к «политической власти», но даже к «общественным референтам» выступает основанием для негативной оценки и служит для определения «различия» партнеров по взаимодействию, с точки зрения «обычных россиян»;

- все социальные группы (кроме гендерной группы мужчин) обладают интерпретативной матрицей оценки властных отношений, созвучных матрице отношения к «паханам» у заключенных в тюрьмах: Власть (+) – Референтность (+) – Аттракция (-);

- мужская гендерная группа отношения с представителями местной и региональной власти интерпретирует по формуле «заключенных»: Власть (+) – Референтность (+) Аттракция (-). Президентскую власть они оценивают согласно формуле полузакрытых сиротских учреждений: Власть (+) Референтность (+) Аттракция (+).

Идея разведения отношений аттракции, референтности и власти на мезо- и макроуровне в исследовании оказалась продуктивной. Модель властных отношений, которая может быть сформирована на основе проведенного факторного анализа, отражает и аттракцию, и референтность, и власть, противопоставляя власть и отношения аттракции, отношения аттракции и отношения референтности. В целом подобное строение интерпретативных матриц для анализа социальных отношений власти возможно охарактеризовать как сознание членов закрытых групп («закрытого общества»).

Более сложная интерпретативная модель властных отношений у мужчин объясняется ключевой ориентацией мужской социализации в России на интериоризацию конкурентных отношений, лидерства и доминирования [2; 17]. Учитывая, что в исследовании принимали участие обычные провинциальные мужчины, занимающие не высокие позиции в «мужской иерархии», дистанцированные от ресурсов власти, своих непосредственных «доминантов» (представителей местной и региональной власти) они оценивают негативно (как «паханов» в закрытых тюремных сообществах), идеализируя «верховную», президентскую, власть.

Примечательно, что ключевые идеи М.Ю. Кондратьева для понимания психологии закрытых групп оказались конституирующими властные отношения в целом – в российском обществе, которое, по результатам исследования, вполне социально-психологически обоснованно можно называть постсоветским (и даже советским, поскольку ключевые интерпретативные модели политического менталитета россиян оказались крайне инертными) и «закрытым».

Выводы

Возможно, изучая структуры межличностных отношений в закрытых группах – будь то закрытые учреждения для правонарушителей или сиротские интернаты, – Михаил Юрьевич Кондратьев не предполагал, что его исследовательские инсайты на материале малых групп окажутся релевантными психологии больших групп. Увлеченно описывая социальные особенности

групп сиротских интернатов и особенно спецучреждений для правонарушителей, он, кажется, был далек от политических выводов. Однако вклад в проблему изучения феномена «социальной закрытости» Михаила Юрьевича не ограничивается созданием комплекса теоретических идей, раскрывающих психологическую суть социальной изоляции. Представляется, что имеет смысл «протестировать» на релевантность большой группе все от-

крытые и описанные социальные феномены, полученные Михаилом Юрьевичем и его аспирантами на материале малых закрытых групп, а трехфакторную модель отношений межличностной значимости в интерпретации М.Ю. Кондратьева для закрытых групп необходимо рассматривать не только в контексте социальной психологии, но и как ключевую модель в русле российской политической психологии, находящейся в процессе становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефимчук И.В.* Собственность как социальная система. Нижний Новгород. Издательство Нижегородского университета. 2004. 320 с.
2. *Жюльен Ф.* Тракат об эффективности. М.; СПб.: Московский философский фонд; «Университетская книга», 1999. 236 с.
3. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности: сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.
4. *Кондратьев М.Ю.* Особенности интрагруппового структурирования в сообществах несовершеннолетних правонарушителей в условиях принудительной изоляции // Социальная психология и общество. 2011. № 4. С. 50–70.
5. *Кондратьев М.Ю.* Специфика группообразования и отношений межличностной значимости подростков — воспитанников интернатных учреждений для реальных и социальных сирот // Развитие личности. 2011. № 3. С. 94–110.
6. *Кондратьев М.Ю.* Особенности межличностных отношений в профессионально специализированных интернатах // Вопросы психологии. 1995. № 6. С. 33–42.
7. *Кондратьев М.Ю.* Подросток в замкнутом круге общения. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 336 с.
8. *Мухина В.С.* Возрастная психология. Феноменология развития: учебник для студ. высш. учебн. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 608 с.
9. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001. 418 с.
10. *Петровский А.В.* Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 7–18.
11. *Поптер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. М.: Феникс, 1992.
12. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Особенности психического развития школьников, воспитывающихся вне семьи // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 80–86.
13. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Особенности развития личности детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации // Психологическая наука и образование. 2009. № 3. С. 5–12.

14. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Младший школьник // Психическое развитие воспитанников детского дома / Под ред. И.В. Дубровиной, А.Г. Ружской. М., 1990. С. 175–204.
15. Радина Н.К. Власть, аттракция и референтность в социальных отношениях макроуровня: «закрытая группа» и «закрытое общество» // Социальная психология и общество. 2015. № 1. С. 45–59.
16. Радина Н.К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород: Деком, 2015. 344 с.
17. Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.
18. Шрейдер Ю.А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 32–41.
19. Bergson H. The Two Sources of Morality and Religion. N. Y.: Doubleday, 1956. P. 298.
20. Campbell B. Helvetius and the Roots of the “Closed” Society // The American Political Science Review. 1974. Vol. 68. № 1. P. 153–168. doi:10.2307/1959748
21. Fransella F. (ed.) International handbook of personal construct psychology. Chichester, UK: Wiley, 2003. 505 p.
22. Longrigg A.J. Soviet Science and the Closed Society // The World Today. 1972. Vol. 28. № 5. P. 216–228.
23. Parel A. Values of Closed Society // International Political Science Review. 1982. Vol. 3. № 2. P. 230–237.

M.Yu. Kondratyev's Social Psychological Phenomenon of "Closedness": From a "Closed Group" to a "Closed Society"

N.K. RADINA*,

Nizhniy Novgorod, Russia, rasv@yandex.ru

The paper traces the logic of research into the phenomenon of "closedness" from a small group to a "closed society". The works of Mikhail Kondratyev dedicated to closed groups are reviewed in the context of research on orphanages and as crucial in defining the psychological content of the very phenomenon of "social closedness". As an example of how M. Kondratyev's key ideas on closed groups may be applied, the paper presents an empirical research on the "closed society". It is argued that all basic social psychological patterns discovered by M. Kondratyev in small closed groups are completely relevant to the ones found in the big closed group — the "closed society".

Keywords: *three-factor model of significant other, authority, attraction, reference, closed group, closed society.*

REFERENCES

1. *Efimchuk I.V.* Sostvennost' kak social'naiya sistema [The property as a social system]. Nizhny Novgorod. Publ. University of Nizhny Novgorod. 2004. 320 p.
2. *Julien F.* Traktat ob effektivnosti [Treatise on the effectiveness]. Moscow, St. Petersburg: Moscow philosophical foundation, University Book, 1999. 236 p.
3. *Zdravomyslova E., Temkina A.* Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse [Masculinity crisis in the late Soviet discourse]. In Ushakin S. (ed). *O maskulinnosti [About manhood]*. Moscow: New Literary Review, 2002. pp. 432–451.
4. *Kondratiev M.Y.* Osobennosti intragruppovogo strukturirovaniya v soobshestvah nesovershennoletnih pravonarushiteley v usloviyah prinuditel'noy izolyatsii [Features intragruppovogo structuring communities of juvenile offenders under forced isolation]. *Social'naiya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*. 2011. no. 4. pp. 50–70.
5. *Kondratiev M.Y.* Specifika gruppoobrazovaniya i otnosheniy mezshlichnostnoy znachimosti podrostkov-vospitannikov internatnih uchrezhdeniy dlia real'nih i social'nih sirot [Specificity of multiplex relations and interpersonal importance of adolescent pupils of boarding schools for real and social orphans]. *Razvitie lichnosti [Personality development]*. 2011. no. 3. pp. 94–110.
6. *Kondratiev M.Y.* Osobennosti mezshlichnostnih otnosheniy v professional'no specializirovannih internatov [Features of interpersonal relations in specialized boarding professionally]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*. 1995. no. 6. pp. 33–42.

For citation:

Radina N.K. M.Yu. Kondratyev's Social Psychological Phenomenon of «Closedness»: From a «Closed Group» to a «Closed Society». *Sotsial'naiya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol 7, no. 1, pp. 45–58. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070104

* *Radina Nadezhda K.* — Doctor in Political Science, PhD in Psychology, professor, Department of Applied Linguistics and Intercultural Communication, National Research University Higher School of Economics, Nizhniy Novgorod, Russia, rasv@yandex.ru

7. Kondratiev M.Y. Podrostok v zamknutom krugе obscheniya [A teenager in a vicious circle of communication]. Moscow: Institute of Applied Psychology; Voronezh: MODEK 1997. 336 p.
8. Mukhina V.S. Vozrastnaya psihologiya. Fenomenologiya razvitiya [Age-related psychology. Phenomenology of development]. Moscow: Publ. House "Academy", 2006. 608 p.
9. Oleinik A.N. Turemnaia subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoy zshizny do gosudarstvennoy vlasty [Prison subculture in Russia: from everyday life to public authorities]. Moscow: INFRA-M, 2001. 418 p.
10. Petrovsky A.V. Trehfaktornaya model' znachimigo drugogo [Three-factor model significant other]. *Voprosy psihologii [Questions of psychology]*. 1991. № 1. pp. 7–18.
11. Popper K. Otkritoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t. [The Open Society and Its Enemies: in 2 vol.]. Moscow: Phoenix 1992.
12. Prihozhan A.M., Tolstyh N.N. Osobennosti psihicheskogo razvitiya shkol'nikov, vospityva'uschihsia vne sem'i [Features of mental development of schoolchildren being raised outside the family]. *Voprosy psihologii [Questions of psychology]*. 1982. no. 2. pp. 80–86.
13. Prihozhan A.M., Tolstyh N.N. Osobennosti razvitiya lichnosti detei, vospityvauschihsia v usloviakh materinskoy deprivatsii [Features of development of the personality of children brought up in a maternal deprivation]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*. 2009. no. 3. pp. 5–12.
14. Prihozhan A.M., Tolstyh N.N. Mladshiy shkol'nik [Junior schoolboys]. In Dubrovina I.V., Ruzskaya A.G. (ed.) *Psihicheskoe razvitie vospitannikov detskogo doma [Mental development of children's home]*. Moscow, 1990, pp 175–204.
15. Radina N.K. Vlast', attrakcia i referentnost' v social'nyh otnosheniyakh makro-urovnia: "zakrytaia gruppy" i "zakrytoe obshchestvo" [Power, attraction and a reference to the macro-level social relations: "closed group" and "closed society"]. *Social'naiya psihologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*. 2015. no. 1. pp. 45–59.
16. Radina N.K. Gorod v prostranstve i vremeni: problemy terriitorial'noy idntichnosti v kontekste social'no-ekonomicheskikh izmeneniy [City in space and time: the problem of territorial identity in the context of socio-economic changes]. Nizhny Novgorod: DEKOM. 2015.
17. In Zdravomyslova E., Temkina A. (ed.). Rossiyskiy gendernyi poriadok: sociologicheskii podhod [The Russian gender order: a sociological approach]. St. Petersburg: Publ. house of the European University in St. Petersburg, 2007.
18. Schrader Y.A. Chelovecheskaia refleksia i dve sistemy eticheskogo soznania [Human reflection and two systems of ethical consciousness]. *Voprosy filosofiy [Problems of Philosophy]*. 1990. no. 7. pp. 32–41.
19. Bergson H. The Two Sources of Morality and Religion. New York: Doubleday, 1956. 298 p.
20. Campbell B. Helvetius and the Roots of the "Closed" Society. *The American Political Science Review*. 1974. Vol. 68. no. 1. pp. 153–168. doi:10.2307/1959748
21. In Fransella F. (ed.) International handbook of personal construct psychology. Chichester, UK: Wiley, 2003. 505 p.
22. Longrigg A.J. Soviet Science and the Closed Society. *The World Today*. 1972. Vol. 28. no. 5. pp. 216–228.
23. Parel A. Values of Closed Society. *International Political Science Review*. 1982. Vol. 3. no. 2. pp. 230–237.